

Реставрация комплекса Махабодхи продолжается и по сей день, но уже в рамках нового проекта ЮНЕСКО 2002 года, предусматривающего восстановление и раскопки памятников, примыкающих к храму Махабодхи. Раскопки на территории комплекса и

дальнейшее его благоустройство преследуют не только эстетическую цель, но и призваны воссоздать обширный буддгайский центр мирового значения, широко принимающий участие в культурной жизни народов многих стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Перевод Ратна Палы: «Это одна из 84 тысяч святынь, воздвигнутых на исходе 218 года после ухода Будды (326 г. до н. э.) Шри Дхарма Ашокой, правителем мира Джамбудвипы в святом месте, где Бхагаван вкусил молоко и мед. С течением времени она была разрушена, а затем восстановлена монахом по имени Наик-Моханта. После того, как она вновь превратилась в руины, она была отстроена Радж Садо Мангом. Спустя много времени она была вновь уничтожена, после чего раджа Семпью-сакхен-тра-Менги назначил своего учителя Шри Дхамма Раджа Гунну руководить строительством. Он отправился туда вместе со своим учеником Шри Кашьяпой. Однако они так и не смогли завершить начатое, несмотря на содействие раджи. После этого Варадаси-наик-тхера обратился с просьбой к радже взять на себя ответственность [за восстановительные работы], и тот вскоре согласился, доверив работы принцу Пьятасингу, который перепоручил это молодому Пьясакхенгу и его министру Ратхе, которые должны были внести в здание некоторые изменения и восстановить святыню. Это были уже четвертые восстановительные работы, завершившиеся в пятницу десятого дня Пьядолы 667 года Саккараджа [1305 г.]. В воскресенье, восьмого дня Тачхаанмунгла 668 г. [1306 г.] произошло освящение святыни, сопровождаемое пышными церемониями и подношениями пищи, благовоний, знамен и светильников, а также проведением пудж [подле] знаменитого украшенного дерева по имени Кальпаврикша. [Двое?] бедняков были приняты милостиво, словно родные дети раджи. Так завершилось это добродетельное действие, принесшее плоды наград и добродетелей. Пусть же учредители всего этого прославятся и наслаждаются покоем Нирваны и состоянием архатства в будущем Арья Майтреи!» [1, с. 72–73].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ahir D. C. Buddha Gaya Through the Ages. Delhi, 1994.
2. Cunningham A. Mahabodhi or the Great Buddhist Temple under the Bodhi Tree at Buddha Gaya. London, 1892.
3. Dhammika S. Middle Land Middle Way. Kandy (Sri Lanka), 1992.
4. Stadtner D. M. The Mon of Lower Burma // Journal of the Siam Society. 2008. (Vol. 96).

А. Б. Истилеева

МАРГИНАЛЬНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Рассматривается проблема формирования целостного образа маргинальной культуры. Маргинальность понимается как промежуточная категория, для которой характерна невременность и внеструктурность. Средневековая европейская культура анализируется через противопоставление элитарной и массовой культур. Маргинальность выявляется на окраинах элитарной и массовой, формируя новый пласт субкультур. Маргинальная культура в средневековье — это связующий элемент дихотомической системы «элитарная-массовая; культура большинства — культура меньшинства». Маргинальная культура западноевропейского средневековья имманентна самой культуре. Ее внутренняя структура сливается с внешними характеристиками средневековья. При этом маргинальная культура базируется на окраинах, занимая пограничную зону между элитарной и массовой культурами.

Ключевые слова: маргинальность, маргинальная культура, средневековая европейская культура, элитарная средневековая культура, массовая средневековая культура, маргинальные субкультуры, периферия.

A. Istileyeva

MARGINALITY IN THE CULTURE OF THE MEDIEVAL WESTERN EUROPE

The article deals with the issue of the development of an integral image of marginal culture. Marginality is understood as an intermediate category for which beyond-timeness and beyond-structuredness are typical. The medieval European culture is analyzed through the opposition of elite and mass culture. Marginality is revealed at the outskirts of the elite and mass culture, forming a new layer of subculture. The marginal culture in the medieval period is a connecting element of the dichotomic system "elite-mass; culture of majority — culture of minority". The marginal culture of the West-European Medieval is immanent to culture itself. Its inner structure joins the external characteristics of the Medieval, and the marginal culture is based at the outskirts occupying the frontier zone between the elite and mass culture.

Keywords: marginality, marginal culture, medieval European culture, elite medieval culture, mass medieval culture, marginal subcultures, beyond structuredness.

В современном проблемном поле науки существует множество подходов, дающих различные трактовки категории маргинальности и маргинальной культуры. Понимание культуры фокусируется на участках социальной периферии и маргинальности. Мы попытаемся определить статус маргинальной культуры в западноевропейском средневековье.

При исследовании средневековой европейской культуры нередко встает проблема формирования целостного образа культуры, а также взаимодействия ее основных уровней. Сложность при изучении европейского средневековья заключается в огромном многообразии источников и точек зрения при определении культурной доминанты, установлении хронологических рамок и определении маргинальной культуры в исследуемом периоде. Типологическое единство средневековой культуры на всем европейском географическом пространстве и на протяжении тысячелетия средних веков с V по XV века определялось такими отличительными особенностями, как религиозно-христианская духовность, корпоративность, традиционализм и символизм, иерархизм и универсализм. Многообразие средневековой культуры заключается в тех сословных, региональных и хронологических особенностях, в которых проявлялись данные отличительные черты. Все это привело к тому, что культурная картина мира западноевропейского

средневековья является многосоставной и многоуровневой.

Одним из первых исследователей, противопоставивших официальную и народную культуры, был М. М. Бахтин, изучивший ее смеховые формы. Он обратил внимание на своеобразную двойственность культуры. «В период средневековья и Ренессанса такая культура оформляется в особую обрядово-зрелищную карнавальную форму. Особенностью карнавала было то, что он выступал как бы реальной (но временной) формой самой жизни, которую не просто разыгрывали, в которой жили почти на самом деле (на срок карнавала)... Реальная форма жизни является здесь одновременно и возрожденной идеальной формой... Итак, в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью [1, с. 12]. Это проблема противоборства официальной, строгой, ученой культуры средневековья и культуры неофициальной, народной. «При всем разнообразии этих форм и проявлений площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скорморохи разного рода и ранга, огромная и многообразная пародийная литература и многое другое — все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частицами единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры» [1, с. 4]. Противостояние двух начал в средневековой

культуре показывает тем самым ее противоречивость и неоднозначность.

М. М. Бахтин через анализ смеховых форм не только выявил антиномию культуры в противопоставление официально и народного начал, а определил смех как универсальную средневековую категорию. Показав миросозерцательную принципиальную важность народно-смеховой культуры, М. М. Бахтин раскрыл новый ракурс рассмотрения культуры вообще — ее «философского тела», «телесного низа» [4, с. 272–273]. Он обратился к уникальному и типичному моменту перерождения средневековой культуры в инобытие. При этом предметом его анализа явилась средневековая европейская культура, выраженная в иных типах и формах. Таким образом, теория карнавальской культуры М. М. Бахтина стала мощным стимулом не только к исследованию народной, неофициальной культуры и ее смехового начала, но и исследованиям полиморфности всей средневековой европейской культуры.

Одним из исследователей народной культуры средневековья и оппонентом М. М. Бахтина явился А. Я. Гуревич. Опираясь на исследования М. М. Бахтина и споря иногда с его выводами, Гуревич определяет концептуальную форму — форму преобразования предопределений средневековой культуры в ее целостное определение: в понятии гротеска, в системе понятий, анализирующих средневековый гротеск. Он определил имманентную диалогичность (диалог-конфликт) народной и официальной культуры. Карнавал и гротеск отрицали культуру официальной иерархии, но они имели ее внутри себя. «В карнавале средневековый человек преодолевал свой страх перед космическим и социальным миром, карнавал давал психологическую разрядку для человека, чья повседневная жизнь находилась под давлением сил, совладать с которыми было его неусыпной заботой» [4, с. 273]. А. Я. Гуревич связал противоположные понятия смеха и смерти и считал, что только при помощи смеха средневековый человек и мог взглянуть в глаза смерти и ее носителей. «Противоречивое взаимодействие обеих культурных традиций — народной и официальной, — их диалог-конфликт, отталкивание и притяжение были

стимулом движения средневековой культуры в целом как диалектической системы» [6, с. 16]. А. Я. Гуревич определил средневековую культуру как борьбу двух начал в культуре: официального и народного. Он выделил в качестве значимой культурной категории смех. И определял, что смеховое начало народной культуры лежало на уровне мироощущения, общественной психологии, тогда как официальная идеология фиксировала общественные идеи, идеологию, мировоззрение.

Характеризуя средневековую культуру, А. Я. Гуревич говорит о том, что «культура эта необычна и непривычна. Необычность ее — в странности сочетания, единства полярных противоположностей, сублимированного и низменного, небесного и земного, спиритуального и грубо телесного, мрачного и комического, жизни и смерти. Святость может выступать как сплав возвышенного благочестия и примитивной магии, предельного самоотречения и сознания избранности, бескорыстия и алчности, милосердия и жестокости. Теолог утверждает богоустановленную иерархию — для того, чтобы тут же обречь на вечную гибель стоящих у ее вершины и возвысить подпирающих ее основание. Прославляют ученость и презрительно взирают на невежественных «идиотов» — и в то же время вернейшим путем, который ведет к спасению души, считается неразумие, нищета духа, а то и вовсе безумие. Смерть и жизнь, экстремальные противоположности в любой системе миропонимания оказываются обратимыми, а граница между ними проницаемой; мертвые возвращаются к живым, и люди умирают лишь на время» [6, с. 84]. Выделение в культуре двух начал, определение всей культуры через дихотомию говорит об антиномичности средневековой культуры. Согласно А. Я. Гуревичу, парадокс средневековой культуры порождается пересечением народной культуры с культурой «ученых», образованных людей взаимодействием с официальной церковной доктриной.

Для культуры исследуемого периода была характерна идея общего сознания нерасчлененности мира людей и мира природы. «Без группы индивид не воспринимался

как самоценность, он просто не мог представлять собой личность. Нарушители регламентов и кодексов осуждались морально и изгонялись из групп. Не оригинальность, не отличие от других, но, напротив, деятельное максимальное включение в социальную группу, корпорацию, в богоустановленный порядок, *ordo* — такова общественная доблесть, требовавшаяся от индивида» [2, с. 158]. Кроме того, и сам индивид не был еще строго вычленен из социальной группы (рода, семьи, общины), не мыслил себя отдельно от группы, будучи растворенным в ней, а его личный статус был статусом группы.

Маргинальная культура находится между официальной и народной, так как расположена на окраинах этих культур. В средневековом европейском пространстве она становится культурформирующим смысловым полем для всей культуры в целом, рефлектируясь и в верхах, и в низах данной иерархии. Маргинальная культура формируется посредством следующих состояний:

- отказ от прежней культурной структуры;
- отделение субкультуры, выход ее за границу социального слоя;
- формирование и образование новой структуры.

Маргинальная культура средневековья явилась показателем сложного функционирования и образования новой культурной системы. Неприятие средневековым обществом отдельных маргинальных субкультур повлекло за собой подчас переоценку всей

системы ценностей и изменение культурной доминанты (переход от средневековья к новому времени). При этом маргинальность — одна из составляющих средневековой европейской культуры. Маргинальная культура в средневековье выявляется в качестве связующего элемента дихотомической системы «элитарная — массовая; культура большинства — культура меньшинства». При этом и элитарная, и массовая культуры внутри себя распадаются еще на две подсистемы. Между ними возникает маргинальная культура. Этот тип культуры указывает на открытость и незавершенность средневековой системы и в то же время определяет ее способность к изменениям, к новации.

Отдельный пласт в маргинальной культуре составили принадлежащие к «бесчестным» профессиям этно-религиозные, физически-иные и демонизированные. Но и они не столько сформировали новый уровень культуры, сколько вобрали в себя элементы и элитарной, и массовой культуры. Эти маргинальные субкультуры — одни из наиболее выделяемых и дифференцируемых в средневековом пространстве.

Таким образом, средневековье — это тип культуры, который базируется на христианско-языческой и римско-варварской традициях. Средневековье однозначно невозможно «втиснуть» в какую-либо структуру. Этот тип культуры амбивалентен, диахронен и неоднозначен в трактовке. Вся средневековая культура несет на себе отпечаток «инаковости» по отношению к последующим периодам в развитии культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1979. 528 с.
2. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства М.: ИГНИИ — ИНИОН, 1999. 395 с.
3. Гуревич А. Я. Смех в народной культуре средневековья // Вопросы литературы. 1966. № 6. С. 207–213.
4. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.
5. Гуревич А. Я. О новых проблемах изучения средневековой культуры // Культура и искусство западноевропейского средневековья. Сб. ст. М., 1981. С. 14–32.
6. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. М.: Энигма, 1997. 512 с.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада / Пер. с фр. Ю. Л. Бессмертный. М.: Прогресс, 1992. 376 с.

REFERENCES

1. *Bahtin M. M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. M., 1979. 528 s.
2. *Gurevich A. Ja.* Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolvstvujushchego bol'shinstva M.: IGNII INION, 1999. 395 s.
3. *Gurevich A. Ja.* Smeh v narodnoj kul'ture srednevekov'ja // *Voprosy literatury.* 1966. № 6. S. 207–213.
4. *Gurevich A. Ja.* Problemy srednevekovoj narodnoj kul'tury. M.: Iskusstvo, 1981. 359 s.
5. *Gurevich A. Ja.* O novyh problemah izuchenija srednevekovoj kul'tury // *Kul'tura i iskusstvo zapadnoevropejskogo srednevekov'ja.* Sb. st. M., 1981. S.14–32.
6. *Le Goff Zh.* Intellektualy v Srednie veka. M.: Enigma, 1997. 512 s.
7. *Le Goff Zh.* Civilizacija Srednevekovogo Zapada / per. s fr. Ju. L. Bessmertnyj. M.: Progress, 1992. 376 s.

Л. Ю. Лепешкина

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ ЧУВАШЕЙ (XIX В.)

В статье дается культурно-историческая характеристика чувашского похоронно-поминального обряда. Благодаря своей консервативности, по мнению автора, он отражает традиционные ценности XIX века, является индикатором и хранителем этнического своеобразия чувашского этноса.

Ключевые слова: обряд, ритуал, смерть, загробный мир, культ предков, ценности, культурный ресурс.

L. Lepeshkina

FUNERAL RITUAL AS A REFLEXION OF ETHNIC ORIGINALITY OF THE CHUVASHES (THE 19TH CENTURY)

The cultural-historical characteristics of the funeral ritual of the Chuvashes are described. It is argued that the ritual reflects traditional values of the 19th century, and serves as an indicator and a keeper of ethnic originality of the Chuvash ethnos.

Keywords: ceremony, ritual, death, the other world, ancestor worship, values, cultural resource.

Современное общество характеризуется активным поиском новой парадигмы духовного развития, этнокультурной и нравственной самоидентификации. На фоне кризиса традиционных моральных ценностей интенсивно формируются новые символы и ритуалы. Культура во всей совокупности ее составляющих элементов выступает при этом как важнейший фактор устойчивого развития, поэтому сохранение культурных кодов, преемственность приобретают актуальное значение. Преемственность поколений обеспечивается, в частности, благодаря восстановлению и развитию национальных

обычаев и ритуалов, аккумулирующих многовековой опыт народа, базовые начала его мировоззрения и духовности.

Во всякой культуре существует динамичное соотношение традиционности, поддерживающей стабильность, и инноваций, благодаря которым общество продвигается вперед [25, с. 3]. Это можно увидеть на примере эволюции похоронно-поминального обряда народов Среднего Поволжья.

Отношение к смерти и к мертвым является ярким проявлением зрелости национальной культуры. О степени проявления в ней духовности и человечности можно судить